

И. А. СЕДАКОВА
(Москва)

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ: РАСТИТЕЛЬНЫЙ КОД И «ЦВЕТОЧНЫЕ» ИМЕНИНЫ В БОЛГАРСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Аннотация. Статья посвящена двум главным аспектам болгарской фольклорной версии Вербного воскресенья. Предметом изучения стала вегетативная символика, представленная в терминологии и ритуалах этого дня, и празднование именин людьми с «растительными» и «цветочными» именами. Исследование показало, что в болгарской версии празднования Вербного воскресенья природное (оживление природы, смена сезонов, первое цветение и «растительные» имена) важнее культурного (Евангельские тексты), и тема вегетации более значима, чем Евангельская тема встречи.

Ключевые слова: календарная обрядность, болгарская традиция, вегетативный код, именины, имянаречение, современные ритуалы.

Вербное воскресенье — один из тех обрядовых комплексов, в которых религиозное содержание праздника остается на периферии, а на передний план выдвигаются элементы дохристианского или народно-христианского характера. Действительно, из темы Входа Господня в Иерусалим как праздника и как прецедентного события, описанного в Евангелиях, во многих традициях избирается вегетативная составляющая². Пальмовые ветви, которыми приветствовали Иисуса Христа, упоминаемые в Евангелии от Иоанна, у славян в соответствии с природными условиями замещаются преимущественно вербой — тем растением, что первым выбрасывает почки³. Таким

¹ Статья написана в рамках проекта Программы ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика».

² Мы говорим здесь о сельской культуре, в городских празднованиях аллюзии к церковной истории были весьма устойчивыми (см. статью Е. В. Пчелова в этом номере).

³ Под *вербой* мы понимаем все виды семейства ивовых *Salicaceae* (вербу, иву, ракиту и пр.), поскольку именно это слово

образом, *Неделя Ваий* превращается в *Вербное воскресенье*, и верба становится доминирующим компонентом обрядности. Еще одно наименование Вербного воскресенья — *Цветоносная неделя* (болг. *Цветница, Цвети*) — также апеллирует к вегетативному коду, цветам и цветению, что расширяет «гербарий» церковного праздника и порождает околочерковную обрядность.

В данной статье на материалах конца XIX — начала XXI в. будет рассматриваться прежде всего вегетативная символика болгарской версии Вербного воскресенья, его ритуалы, которые охватывают и церковь, и внецерковное пространство — как домашнее (собственно дом и хозяйственные постройки, двор), так и удаленное (поля и угодья, кладбище). Кроме того, мы проанализируем народно-православное развитие этой обрядности в Болгарии, воплотившееся, в частности, и в праздновании именин людьми с «цветочными» именами. Вегетативная символика болгарского Вербного воскресенья, в том числе и в праздновании святого-покровителя, раскрывается в статье в контексте современных тенденций восстановления и изобретения традиций, характерных для всего мира [Hobsbawm, Ranger 1983; Boissevain 1992], но особенно, как кажется, для постсоциалистических стран. Современное празднование Вербного воскресенья вписывается в общую картину ритуализации болгарского общества и демонстрирует те же тенденции, что и другие общенародные праздники, например общebolгарский праздник встречи весны 1 Марта — *Мартеница* [Седакова 2009].

Растительный код в народной религиозности доминирует в терминологии всех традиций (в том числе и как церковный хроним) — мотивы пальм, олив и цветов есть во французских, английских, немецких, испанских (*Domingo di Ramos*, где *Ramos* — это «букеты цветов, связки ветвей») и других названиях Вербного воскресенья. Церковная обрядность с освящением растений во время службы, с процессиями определяет терминологию праздника и его растений. Таким образом, то, что называется *вербой*, может не иметь отношения к вербе, а быть, к примеру, плодовым деревом с украшениями или букетом из сухоцветов (как у поляков и литовцев).

«Верб хліс бѣт до слѣз»

составляет лишь фрагмент народно-религиозного ритуального комплекса, поскольку освященные ветви, цветы и деревца становятся «вторичными ритуальными предметами» (в этнолингвистической терминологии вслед за Н. И. Толстым), ср. болгарское свидетельство о важности вербы в празднике: «*Врѣбница* называется так, потому что в церковь несут вербу» [СБНУ 1906—1907, т. 22—23, 7].

Эти растения вбирают в себя огромный комплекс представлений об их магической силе, развивающейся из онтологических и мифических свойств самих растений (вербы, кизила и пр.), и веры в мощь церковного освящения. Верба и Вербное воскресенье у славян описаны с точки зрения их фольклорного и этнографического воплощения (см. [Толстой 1996; Усачева, Толстой 1996; Агапкина 2002; Толстая 2006] и др.). Однако более подробное и целенаправленное обращение к локальным «вегетативным» традициям (как и любое другое специализированное исследование небольшого фрагмента традиционной культуры) значительно обогащает представления о вербе и ее полисемии и полифункциональности в рамках весеннего календаря. Перечень магических свойств вербы не ограничен, если собрать все локальные этнографические традиции в их деталях (с уточнениями: не просто «для здоровья», а «для глаз», «при трудных родах» и т. д.), получается, что верба становится универсальным продуцирующим, защитным и исцеляющим средством. Заготовка вербы предполагает элементы сакральности: деревья и кусты ломают девушки (одетые в чужие одежды) в полночь или до рассвета, исполняя при этом три песни лазарских обходных обрядов. Каждая девушка опоясывается вербой, чтобы спина при жатве не болела. Верба должна находиться в помещении, где они спят [Сакар 2002, 350—351], и т. д.

Освященная верба именуется по-болгарски *четена* или *пеена върба*, как и другие предметы, освященные в церкви, над которыми читались (и пелись) молитвы. У болгар, как и у других славян, освященная верба и/или другие растения — это благословение дома, людей и хозяйства, ее приносят из церкви и помещают под иконы, втыкают над дверь-

ми дома и всех хозяйственных построек [Трефилова 2006, 250]. Верба отгоняет нечистую силу, болезни, способствует плодovitости (беременности), плодородию и т. д., и находит магическое применение во всех сферах деятельности человека. Растения семейства ивовых очень «удобны»: веточками хлестают⁴, их украшают, втыкают в землю в огороде, а также в полях при пахоте или при болезни посевов, подкладывают в кровать (или под нее) больным, опоясываются от боли в спине, отгоняют градовую тучу и др. В северо-восточной Болгарии эту вербу относят на кладбище, а девушки, принимавшие участие в обходах лазарок, вьют из освященной вербы венки и «кумятся». Почки, которые у других славян получают зоонимические обозначения, у болгар таких регулярных терминов не развивают. Однако использование пушистых почек и цветков вербы так же активно, как и у других славян: в высушенном виде почки жуют, пьют отвары с ними, умываются настоенной на почках водой, добавляют их в тесто и др.

Приведем несколько локальных описаний ритуальных действий с освященной вербой, чтобы продемонстрировать, как детализируются мотивировки. В Софийском крае женщины берут из церкви *пеена върба* и кладут дома к иконам. Впоследствии, если кто-нибудь в доме разболеется, окуривают ею. Добавляют измельченную вербу и в корм скотине — от болезней. После того, как верба стоит у икон, ее зашивают в подушку детям — от сглаза. В Вербное воскресенье вербу прикрепляют к одежде, в том числе и мужчины, которые носят веточку, воткнутую в головной убор, весь день. Если посевы начинают желтеть, эту вербу втыкают в ниву. Используется верба и для гаданий о будущем урожае: взяв ветки из церкви, женщины смотрят, сколько цветков на ней: много — будет хороший кунжут [Софийски край 1993, 250]. В Пловдивском крае в красный угол кладут вербу, свитую кольцами. Ее используют для лечения детей от сглаза и испуга, взрослые опоясываются

⁴ У болгар и других южных славян хлестание вербой в весенние праздники («Верба бье...») не распространено. Сходные ритуальные действия с пожеланиями здоровья и хорошего урожая совершаются на Новый год (*Сурва*) кизилковыми веточками (*сурвакница* и др.).

от болей в спине. Дают вербу вылупившимся цыплятам, поджигают, чтобы не гремел гром и остановился град; если появляется градоносная туча, смотрят на нее сквозь венок, чтобы она ушла [Пловдивски край 1986, 267]. В Пиринском крае вербой опоясываются, ее прикрепляют на калитки и входные двери, помещают на дежу (от червяков в муке), выгоняют освященными веточками коров [Пирински край 1980, 442]. В Родопах на Вербное воскресенье жители сел обязательно идут в церковь и приносят освященную вербу, венок из которой кладут к иконам, вешают на рога волам и коровам, измельчают и добавляют в корм скотине [Родопи 1994, 105]. В Ловечском крае из вербы вяют венки, при необходимости окуривают рожениц вербными веточками, при трудных родах проливают трижды воду через венок и дают женщине пить; если болит спина, опоясываются вербой; вешают венки на фруктовые деревья; от грозы и града втыкают вербовые прутья в кротиную нору; почки добавляют в корм скотине. Кроме того, кладут почки в воду, которой моют голову «для роста волос» [Ловешки край 1999, 310—311]. Капанцы на Вербное воскресенье украшают ветвь плодового дерева (*трънка*) и хранят ее в доме [Капанци 1980, 220]. И эта локальная традиция может развиваться в общеполитическую, см. ниже о стремлении к декоративности. Уже упоминалось, что хотя верба и доминирует в обрядности Вербного воскресенья, используются и другие растения. Так, в Тырново в этот день (*Цветници*) раздают цветы (*дафина* и *зеленика*), которые весь год хранятся у икон [СБНУ 1900, т. 16—17, 31]. Кроме вербы, упоминается и кизил, и ветки других плодовых кустарников и деревьев [Узенева 2001, 137].

Технология избавления от старой, прошлогодней вербы также демонстрирует сакральность этого растения. Запрещается выбрасывать освященную вербу: ее или сжигают, или в растолченном виде скормливают скоту, закапывают там, где никто не ходит.

Спецификой болгарского Вербного воскресенья (и этого праздника в части других южнославянских традиций) становится его слияние с предшествующим днем — Лазаревой субботой — в единый двухдневный комплекс (см. [Пирински

край 1980, 442] и др.), что естественно для церковной традиции (субботные мотивы смерти и воскресения, воскресные — торжественной радости). Девичьи обходы — *лазарки* и др. (подробнее см. [Плотникова 2004], в том числе и карты) — семантически и ритуально соединяются с обрядовым наполнением Вербного воскресенья, в том числе благодаря непрерывности растительного года. Девушки, исполняя обрядовые лазарские песни, ломают ветки вербы, чтобы украсить себя для ритуальных процессий в Лазареву субботу, причем главное действующее лицо держит в руках *вѣрбия* — вербовую ветвь с завязанным на ней платком [Етнография 1978, 118]. На следующий день лазарки вяют из вербы венки и бросают их в реку, чтобы по тому, чей венок поплывет впереди, узнать, какая из девушек будет до следующего Вербного воскресенья *кумой*, то есть главной над другими девушками [Капанци 1985, 220—221]. Высокий социальный статус *кумы* сохраняется целый год: все девушки соблюдают перед ней ритуальное молчание (*говечат*), подобно тому, как молодые жены молчат в присутствии новых родственников после венчания (в течение 9, 40 или более дней). В Вербное воскресенье лазарки из собранных продуктов пекут каравай *лазарски хляб* и угощают им односельчан, устраивают застолье в доме старшей девушки или продают собранные продукты и покупают на вырученные деньги шерсть, из которой потом вяют веревки для качелей — обязательной составляющей обрядности Пасхи, Юрьева дня и летнего дня св. Афанасия. Таким образом, связь праздников ритуального года осуществляется семантически и через ритуальные предметы-реалии.

Еще один важный момент, который семантически акцентируется в двухдневном комплексе, — это поминальная тема. В Лазареву субботу, один из важнейших поминальных дней церковного и народного календаря, девушки нередко обходят не только село, но и кладбище, исполняя там особые ритуальные танцы. В Вербное воскресенье рано утром женщины отправляются на могилы с вербовыми веточками, окуривают и поливают землю водой, затем втыкают вербу возле креста или памятника, оплакивая умерших родственников. 117

Это приобщение предков к ритуальному циклу, празднование вместе с ними, жертвование ритуальных предметов, блюд и угощений. Так, и в этом к обрядности Вербного воскресенья тесно примыкают лазарские обходы, с их весенней направленностью на возрождение и на обновление природы и социума, на укрепление социальных связей как в мире живых, так и в мире предков.

Уже в середине XX в. исследователи отмечают постепенное исчезновение обрядности Вербного воскресенья. Классическими признаками забвения ритуала является размытость мотивировки («Девушки вяют венки из вербы и бросают их в реку, но смысл обычая забыт» [СБНУ 1936, т. 42, 125]) и переход магических действий в сферу детских игр [ИССФ 1941—1943, 217]. В наши дни, однако, наблюдается возрождение народно-православной обрядности Вербного воскресенья. Отметим, что возвращенная версия несколько модифицирована, в русле, так сказать, основного современного тренда в использовании народных традиций. Прежде всего, усилилось внимание к освященным веточкам — теперь и верующие, и неверующие стремятся взять из церкви растения и принести их в дом. Кроме того, усилилась вегетативная составляющая — многие даже городские жители в этот день вяют себе и детям венки из зеленых ивовых веток и носят их весь день. Внимание к реалиям типично для всех современных болгарских праздников (ср. обмен красно-белыми нитями — *мартеницами* — 1 марта), что связано и с развитием суеверных настроений в обществе, и со стремлением поддержать народную традицию, и с небывалой коммерциализацией всего фольклорного и этнографического (и даже религиозного — ср. паломничества) во многих странах в наши дни. Выделяется в Вербном воскресенье и современная актуализация декоративных функций — у каждого праздника должен быть визуальный знак. Позволим себе такое предположение: в наши глобализационные дни, когда «чужие» праздники вторгаются с такой быстротой, вполне вероятно, что мода на украшенные ветви, которые ставят в Северной Европе и Скандинавии в Вербное воскресенье, придет и в Болгарию (и к

нам, в Россию), и цветочные магазины будут тиражировать псевдотрадиционные сведения о мифологии вербы.

Растительная тема современного Вербного воскресенья демонстрирует и изменение поминальных ритуалов. Прежде всего, это акцентирование надления покойников обрядовыми реалиями, что прежде не было так развито (например, положение *мартеницы* в гроб умершему, повязывание *мартеницы* на могильный крест и т. д.). То же происходит и с вербными ветками — умершему в эти дни их кладут в гроб, а уже похороненным втыкают в могилы (это было и раньше, но локально — теперь в общеполитическом масштабе). И последнее — размытость времени совершения обряда, что отмечал в устном высказывании литовский этнограф Арунас Вайчекаускас. То, что раньше строго приурочивалось к определенной дате и даже часу в течение дня, теперь может исполняться «когда это удобнее семье», что разрушает другие календарные ритуалы и нередко вступает в конфликт с ними.

Переходим ко второй растительной составляющей Вербного воскресенья, которая эксплицируется через празднование именин людьми с «растительными», «цветочными» и другими подобными именами.

Принципы имянаречения и празднования именин, в том числе и «цветочных», в болгарской традиции совершенно уникальны даже в контексте богатой и интересной южнославянской традиции. Даже в Македонии, близкой Болгарии по антропонимии и народной религиозности, тенденции сделать Вербное воскресенье «национальным днем именин» (по выражению болгарских этнографов) не наблюдается (там этот день как именины отмечают почти исключительно женщины по имени *Цвета*). Необходимо, однако, сделать небольшой экскурс в практику болгарского имянаречения (с особым вниманием к «растительным» именам), чтобы понять природу такого празднования дня ангела. Прежде всего, обращает на себя внимание именованное: он огромен, кроме того, он представляет собой открытую систему, постоянно пополняющуюся новыми именами (за счет проникновения иностранных имен и их перевода, и благодаря активным словотворческим процессам) [Заимов 1988,

27]. Статусом официального имени обладают в Болгарии любые гипокористические и уменьшительно-ласкательные имена собственные, вариации одного имени, что звучит странно для русского: *Петя, Вася, Ваня* как женские официальные (паспортные) имена и многие другие.

Наряду с традиционными болгарскими именами встречаются и «вестернизированные», европеизированные дериваты от славянских (*Злата — Златна — Златина — Златела — Златана; Дара — Дарена — Дарина — Даринела — Даряна — Даша*) и восточных (арабско-турецких) корней (*Зюмбюл — Зюмбюлина; Севда — Севдалин — Севдалина*) и др. Воспринятое западное имя появляется в нескольких фонетических и морфологических версиях (ср., например, «новые» прецедентные женские имена: *Вивиен — Вивиена/Вивиана/Вивияна; Ивон — Ивона/Ивония* и др.). Кроме того, в отличие от других славянских именословов, болгарские и южнославянские (не зависимо от того, заимствованные ли это имена или нет) почти всегда включают в себя мужской и женский варианты одного имени: *Веселин — Весела, Багро — Багряна*. Образование может идти как от мужского имени, так и от женского (последнее фиксируется реже и чаще всего связано именно с растительными именами: *Бияна — Биян, Дафина — Дафин; Незабравка — Незабравко*).

Сокращение (*Цветан — Ценко; Невена — Венда*) или, наоборот, удлинение имени (*Цвета — Цветея, Цветелин, Цветили, Цветил*), двусоставные формы (*Цветизара*), фонетические и морфологические изменения одного имени делают именослов необычайно богатым. Отчасти это связано и с тем, что почти у каждого болгарского имени есть «конкретная» семейная история. Трансформация антропонимов, комбинация их частей, соединение основ или даже букв имен обусловлены номинационными практиками болгар. Имевшая место ранее патриархальная тенденция «подновлять» имена представителей старшего поколения, давая новорожденному имя деда или бабушки, получило особое развитие в наши дни, соединившись с тенденцией следовать моде и давать ребенку «престижное» имя. Это стремление находит отражение в почти неограниченном имьятворчестве [Кръстева-Благоева

1999; Тонкова, Неделчева 1998, 145]. Модернизация, сохранение части имени, слога или даже начальной буквы (*Станмир — Стоян; Петанка — Пена; Христо — Храбри; Игнат — Илчо* и др.), соединение двух или более основ (*Ана+Сава — Анисава; Иван+Гана — Ивга; Злата + Ангелина — Златолина; Илия+Юлия+Иван — Илюан* [Илчев 1969, 219, 221, 222] и мн. др., см. ниже) — типичные способы изменения и «изобретения» болгарских имен (по мнению болгарского этнографа Петко Христова, это болгарское «ноу-хау»). Стремление индивидуализировать человека с помощью неповторяющегося имени соединяется с желанием сохранить связь с родовым именем путем включения в имя для новорожденного хотя бы одной буквы или любого (даже не первого) слога имени старших родственников. Возможно, эта ситуация отражает историческую реальность — позднюю фиксацию и упорядочивание записи фамилий и крестильных имен. Кроме того, здесь срабатывает механизм уподобления судеб и поведенческих особенностей тезок, характерный для архаической культуры, но актуальный в болгарском обществе в наши дни. Так, буквальное повторение имени кого-либо из родных или близких воспринимается как передача ребенку его жизненного пути (трудного, несчастливое и пр.), от чего иногда сознательно отказываются при выборе имени для новорожденного.

Многосоставность болгарского именика — результат не только и не столько творческого подхода к имени, сколько следствие других причин, в том числе толерантного отношения Церкви к крещению младенца именем-апеллятивом (ср., например, современные «растительные» имена *Цитрон, Вишня*), которого нет в святцах, или трансформированным (иногда до неузнаваемости), переведенным, «осовремененным» именем святого/святой (*Роза, Теменушка, Гина, Горана, Миче — от Мария, Славчо, Благой, Пешо, Ирина — Мира, Тихон — Сретен* и мн. др.). Таким образом идея дня ангела отходит на задний план, а на передний выдвигается исключительно имя и его семантика, этимология (чаще всего, ненаучные)⁵.

⁵ Интересно, что стремление этимологизировать и развитие «любительской» этимологии

Народная интерпретация идеи связи чествования святого, праздника и имени весьма широка (подробнее см. специальную главу в книге [Седакова 2007]). Традиция рекомендует отступать от правила именования ребенка в честь старших родственников, если он родился в церковный праздник (с учетом локальной обрядовой версии). Так, появившихся на свет в Вербное воскресенье традиционно называют «цветочными, растительными» именами — *Цветанка*, *Теменушка*, *Карамфил*, *Иво* и пр.⁶

Отметим, что в посттоталитарный период у болгар наблюдается всплеск интереса к собственному имени, что можно считать одним из проявлений попыток самоидентификации. На специально созданных сайтах (www.angelfire.com; www.imena.hit.bg; www.imenata.eu, www.imenata.com и др.) помещены списки мужских и женских имен, к которым даны обширные комментарии. Эти списки постоянно пополняются, поскольку посетители добавляют свои редкие, необычные имена и публикуют рассказы (нарративы) о том, почему в семье их назвали именно так, и что, по их мнению, означает их имя. Это явление — самостоятельная «семантизация» имени — в Болгарии увязывается с тем фактом, что многие антропонимы созданы (и создаются в наши дни) от апеллятивов. Вера в то, что, давая ребенку определенное имя, можно передать ему свойства, заложенные в семантике слова, а также запрограммировать характеристики человека-тезки (родственника, литературного героя,

(по терминологии А. А. Зализняка) в последние годы стало какой-то эпидемией во многих странах, в том числе в Болгарии и России.

⁶ Часто «идея» праздника эксплицируется в выборе имени: женщина назвала дочь *Светланой*, потому что она родилась на Пасху, в Светлое воскресенье (собственные записи). В с. Шипково молодой священник учит прихожан, что родившиеся на *Коледу* (Рождество) должны носить имя, начинающееся с буквы *К*. *Кунчо* — так, в соответствии с его указаниями, назвала своего сына моя информантка. Там же родившийся в праздник Успения Богородицы ребенок должен был именоваться *Марин*, но его, по настоянию деда, назвали *Петко*. Его семья ежегодно жертвует барашка в близлежащий Троянский монастырь, считая это «возвращением долга Богородице за имя». Таких примеров в болгарской практике имянаречения очень много.

спортсмена и пр.), остается в обществе очень сильной и поддерживается, в частности, празднованием именин.

Интерес болгар к происхождению имени собственного в основном принимает характер народной этимологии. Совпадение западных и славянских корней, а также уже упоминавшаяся широкая вариативность имени позволяют давать несколько объяснений генезиса имени (зачастую неверные) [Калканова 1996, 53; Кръстева-Благоева 1999]. Если говорить о «растительных» именах, то хорошим примером является прецедентное болгарское имя *Аблена* (героиня рассказа известного писателя Йордана Йовкова). Это имя воспринимается и как образованное путем метатезы от диал. *аблена* (диал. 'платан, плодое дерево'), что соответствует тенденции именовать детей «растительными» именами. *Аблена* этимологизируется и как производное от лат. *alb* 'белый' с характерным окончанием *-ена*. Еще один пример — *Ивета*, которое считается «растительным» и толкуется как «свое», незамысловатое (от *Иван* и *Ива*) [Банкова 2005, XXI], в то время как, по моей информации, женщину, носящую это имя, назвала так мать, которая, будучи беременной, читала одноименный рассказ Мопассана. В любом случае, женщины, носящие эти имена, празднуют именины в Вербное воскресенье — *Цветницу*.

Невозможно хотя бы в самом общем плане не поставить вопрос о праздновании именин и о почитании «своего» святого в рамках церковного календаря у болгар. Известно, что именины пришли в Болгарию в XIX в. (во многих южнославянских областях практиковалось празднование покровителя всего рода — *служба, светец*) и не могли не получить неортодоксальное развитие в связи с тем, что большинство имен, которые давались и даются детям, отсутствует в святцах (много примеров см. в [Седакова 2007])⁷. Так и получилось, что те, кто наречен «цветочным» именем, празд-

⁷ Непонимание сути празднования дня ангела типично для болгар, приведем лишь один пример: *Росен* (полевая трава) празднует именины и в Вербное воскресенье, и на Богоявление, считая, что его имя происходит от *рѣся* («кропить») и связывая его с ритуалом освящения воды в церкви (когда священник *рѣси*, то есть кропит притч святой водой) <http://paper.standartnews.com/bg/article.php?article=230022>

ную именины в Вербное воскресенье, считая *Цветницу* своей покровительницей. Однако не только «цветочные» славянские имена связываются с этим церковным праздником. Многочисленные справочники и пособия по церковной обрядности публикуют рекомендации, когда болгарам следует праздновать именины. Так, сайты <http://bg.wikipedia.org/wiki/Цветница> и www.imenata.eu (посещение 2 сентября 2010 г.) не рекомендуют праздновать именины тем, чье имя лишь ассоциируется с растительностью (идеи свежести, роста и совсем случайные имена — *Росланд* как «земля роз»), но при этом советуют на *Цветницу* праздновать именины женщинам по имени *Евелина* (в переводе с греческого означает «греческий орех»), *Сильвия* («лес»), *Оливер*, а также *Ренета* (сорт яблок) и др.

Итак, получается, что в болгарской версии празднования Вербного воскресенья природное (оживание природы, смена сезонов, первое цветение и «растительные» имена) важнее культурного (Евангельские тексты), и тема вегетации более значима, чем Евангельская тема встречи.

Литература

- Агапкина 2002 — *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Банкова 2005 — *Банкова П.* По името го познаха. Етноконфесионални аспекти на личното име в България. София, 2005.
- Етнография 1978 — Етнография на България. София, 1978. Т. 3.
- Заимов 1988 — *Заимов И.* Български именник. София, 1988.
- ИССФ 1941—1943 — Известия на Семинара по славянска филология. София, 1941—1943. Т. 8—9.
- Калканова 1996 — *Калканова Т.* Популярно ли е твоето име? София, 1996.
- Капанци 1985 — Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Кръстева-Благоева 1999 — *Кръстева-Благоева Е.* Личното име в българската традиция. София, 1999.
- Ловешки край 1999 — Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.
- Пирински край 1980 — Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
- Пловдивски край 1986 — Пловдивски край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1986.

Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Родопи 1994 — Родопи. Традиционна и социално-нормативна култура. София, 1994.

Сакар 2002 — Сакар. Етнографски проучвания на България. София, 2002.

СБНУ — Сборник за народни умотворения и книжнина. София, 1889— Т. 1—.

Седакова 2007 — *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.

Седакова 2009 — *Седакова И. А.* Мартеница в современной праздничной обрядности Болгарии // Мартеница. Мărtișor. март'с. Verogе... М., 2009. С. 139—147.

Софийски край 1993 — Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993.

Толстой 1996 — *Толстой Н. И.* Вербное воскресенье // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1996.

Толстой, Усачева 1996 — *Толстой Н. И., Усачева В. В.* Верба // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1996.

Тонкова, Неделчева 1998 — *Тонкова Д., Неделчева Я.* Собственото име — дар или наследство // Дарове и съкровища. Духовна приемственост на Балканите. Благоевград, 1998. С. 139—152.

Трефилова 2006 — *Трефилова О. В.* Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол (Западная Болгария) // Исследования по славянской диалектологии. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 228—276.

Узенева 2001 — *Узенева Е. С.* Этнолингвистические материалы из юго-западной Болгарии (с. Гега, Петричская община, Софийская область) // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 127—151.

Hobsbawm, Ranger 1983 — The invention of tradition / Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). London, 1983

Boissevain 1992 — Revitalizing European rituals / Boissevain, J. (ed.). London; New York, 1992.

Summary. *The article gives an insight into two major aspects of the Bulgarian folk version of Palm Sunday. The vegetation code as it is represented in the terminology and rituals of the day and celebrating of the namesday by those who are baptized with 'flowers' or 'plants' name are in the center of the investigation. The study shows that the Church and the Christian practice gives way to the folk ritual activity, and the nature (the plants) dominates over culture (pro-to-text of the New Testament) in this holiday.*

Key words: *calendar rituals, Bulgarian tradition, namesday, namesgiving, modern customs.*